

В. Н. ТОПОРОВ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕКОНСТРУКЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Казимерасу Буге для научного творчества было отмерено очень короткое время, половина которого была крайне неблагоприятна для занятий. Трудно назвать другого лингвиста подобного масштаба, который в те же сроки не только успел заявить о своих гениальных способностях, но и сделал реально так много, как Буга. В течение полутора десятилетий своего творческого пути литовский языковед заполнил многочисленные лакуны в общей картине балтийского языкознания, получил массу новых результатов высочайшей степени надежности, тем самым мощно продвинув вперед все балтийское языкознание и обеспечив индоевропеистику новыми балтийскими материалами и/или интерпретациями. Более того, Буга во многом предвосхитил то, что и сейчас еще рассматривается как настоятельная и более уже не терпящая отлагательств задача сравнительно-исторического балтийского языкознания. В данном случае речь идет о проблеме реконструкции в балтийском языкознании, взятой во всей ее широте, — от восстановления тех или иных элементов или даже целых подсистем применительно к „прабалтийскому“ горизонту до частных реконструкций, выполненных на материале вымерших балтийских языков, известных лишь в ограниченном объеме (как прусский) или даже в совсем жалких остатках (язык ятвягов, куршей, слов и т.п.). Реконструкции последнего типа (а им К. Буга уделил особое внимание именно в последние годы жизни — ср. реконструкцию фонетических особенностей и лексического состава этих языков во введении к „Lietuvių kalbos žodynas“ или в его составивших эпоху статьях о реликтах балтийской речи в гидронимии территорий к востоку, юго-востоку и югу от исторического ареала балтийских языков) приобретают особое значение, в частности, в силу того, что они помогают выявить новые („третьи“ / помимо литовского и латышского/ или „четвертые“ / помимо указанных языков и прусского/) члены сравнения, позволяющие углубить историческую перспективу во времени и/или выявить новые нестандартные варианты эволюции балтийского типа, что особенно важно, если учесть, что балтийская группа по числу составляющих ее и доступных нам языков сильно уступает большинству других групп индоевропейских языков, причем эта дефектность не всегда компенсируется внутриязыковым диалектным разнообразием.

Одна из насущных задач сравнительно-исторического балтийского языкознания и состоит в том, чтобы максимально увеличить количество лингвистических фактов, относящихся к балтийским *linguae minores*. Сразу же следует заметить, что в этой области можно сделать многое и притом в разных

направлениях. Если говорить только об основных ситуациях, с которыми приходится сталкиваться при решении названной задачи, то здесь уместно назвать два ключевых случая, указывающих общий диапазон: 1) реконструкция новых элементов (своего рода микротекстов — от слов, составленных из грамматически или семантически значимых частей, до сочетания слов, отдельных фраз и далее), которые расширяют основание для сравнительно-исторических исследований, и 2) реконструкция тех или иных семантических схем, которые позволяют объяснить некоторые противоречивые или ранее не объясненные факты (при этом семантическая реконструкция нередко высветляет и ту исходную синтаксическую ситуацию, которая, собственно, и контролирует развитие семантики).

Здесь достаточно двух примеров, чтобы проиллюстрировать оба указанных типа ситуаций, — преимущественно на материале прусского языка. Стоит обратить внимание и на то, что реконструкция нередко приводит к некоторым не предусмотренным заранее побочным результатам нетривиального характера.

1. О прусском **kails* и следах прусской поэтической традиции

Корневой элемент *kail-* представлен в прусском в слове, обозначающем 'здоровье' (*kailüstiskun*. Катех. III, 37, 16), и в топонимах *Saylkaym*, 1437, *Kalckaymen*, 1458, *Kaylekaumen*, 1460, *Calickaym*, 1462, позже — *Kalkeim*; *Kayliwen*, 1339, *Saylibe*, 1379, *Kaliben*, 1379 (*Gerullis APON 53*), находящихся соответствие в вост.-балт. ареале¹. Кроме того, этот же элемент уже в качестве самостоятельного слова несколько раз встречается в текстах вторичного характера по отношению к основному корпусу прусских текстов и поэтому далеко не всегда учитывающихся исследователями. Тем не менее, эти микротексты, в которых появляется *kail-*, очень показательны, поскольку они являются устойчивыми фразеологизмами, очень распространенными ритуальными формами, тяготеющими к выражению в особой, так или иначе отмеченной форме.

В „*Warhafftige Beschreibung der Sudawen auff Samland sambt ihren Bockheyligen vund Ceremonien*“ (начало 60-х годов XVI в.) Иеронима Малетиуса (*Hieronimus Maletius*) в главке „*Von den todten*“ засвидетельствована прусская (судавская) формула: „*ein ieglicher [trinckt] dem toden zu vnd spricht Kails nauffen gnigethe, das ist, ich trincke dir zu vnser freundt*“ (по Геттингенской ркп. XVI в., S. 716)²; ср. варианты — *Kayles maufe gygynethe* (*Hartknoch 189*); *Kailes nanfe geigete* (*Luc. David 141*); *Kailefs noussen gingis* (вариант, сообщаемый Бугой / *Msc. B. 68, fol. 504/*, см. *LKŽod. LXXVI = RR III, 132*)³. Любопытно, что эта фраза отсутствует в экземпляре, хранящемся в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского Университета (*Msc. Viln.*),

¹ Ср. Прусский язык. Словарь. Т. 3, s.v. {**kail-*} (в печати).

² Ср.: „*Ein itzlicher trincket dem todten zu vnd spricht: kayls naussen gignethe, ich trincke dir zu, unser freundt*“. См. *W. Mannhardt. Letto-Preussische Götterlehre*. Riga, 1936, S. 257 (далее — *LPG*).

³ См. *A. Bezenberger. Miscellen*. — В., 1878, В. 2, S. 138.

о чем сообщает В. Мажюлис⁴. Согласно Беценбергеру, первоначально фраза могла иметь следующий вид: *Kails nouson gintele* „sei gegrüsst, o unser freundenchen!“⁵. В другом фрагменте того же сочинения Иеронима Малетиуса в главке „Von jerlichem gedechtnis“ зафиксирована другая формула с двойным употреблением *kail-*: „und wenn die maalzeit entschieden ist, und das tuch aufgehoben, so dancken sie dem, der das jährliche gedächtniß gehalten hat, und heben an zu sauffen, *Kayles, poftkayles eins periandros*“⁶; ср.: *Kails poskails ains par antres* (Геттинг. ркп. 718), а также: *Kailes pußkailes ains Petantros* (Luc. David 144); *Poß Kayleß kayles eines peranteres* (Msc. B. 68); *Kayles poskayles enis perandros* (Msc. Viln. 18); *Kayles und Puschkayles. Ist ein tugend, da laster ein ehre sey* (Данцигск. ркп.)⁷; наконец, у Симона Грунау: „und dor noch truncken *poskeiles* von methe“ (Preuß. Chron. II, 4)⁸. О трактовке этих примеров см. ниже. — Третий пример употребления *kail-* представлен Базельским прусским текстом, обнаруженным недавно S. McCluskey (библиотека Базельского Университета: F. V. 2): *Kayle rekyse thoneaw labonache thewelyse | Eg koyte poyte nykoyte pēnega doyte* „Sveikas, pone! Tu nebe geras dedelis | jeigu nori tu gerti, [bet] ne[be]nori tu pinigā duoti“⁹.

Все эти примеры знакомят нас с важным и очень характерным фразеологизмом прусского языка, за которым стоит соответствующий обычай здравицы, величания при возлиянии на пиршествах, а также приветствие при встрече, почти автоматически связанное со здравицей в этом и соседних с ним ареалах (ср. нем. *heil*, лит. *sveikas*, русск. *здорóв* ‘здравствуй/те/’, ср. диал. *здорóв те, вам* /СРНГ 11, 233/ и т.п. — в отличие, напр., от польск. *witaj* как глагольной формы). Вместе с тем, учитывая те же ареальные данные (ср. знаково отмеченное употребление в свадебном ритуале нем. *heil*, лит. *sveikas* или русск. *здорóв*¹⁰) и некоторые описания прусской свадьбы (напр., в главке „Von jren Sponsalien vnd vorlubnissen“ у Иеронима Малетиуса с поразительными параллелями к текстам русской свадебной традиции, где как раз и содержится *давать здорóв*)¹¹, можно высказать предположение, что

⁴ См. V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminklai. V., 1966, p. 31.

⁵ Ср. в таком случае характерные формулы типа лит. *Sveiki gyvi, mano gentys* (Lietuvių tautosaka. Dainos. Raudos. V., 1964, t. 2, N 485, p. 458). Разумеется, дальше отстоят такие примеры, как др.-в.-нем. *heil uuis thū gebōno follu* ‘have gratia plena’ (Tatian 3, 2) и т. п.

⁶ Ср.: „vnd wann die malzeit geschehen vnd das tuch auffgehoben, so dancken sie dann deme, der das Jerliche gedechtnis gehalten hat vnd heben an su sauffen *kayls posskayls eins peranters*“ (LPG 258—259).

⁷ М. Тоеппен. Altpreußische Monatsschrift, 1867, Nr. 4, S. 137, 139.

⁸ См. А. Bezenberger. Op. cit., S. 138—139; К. Būga. RR, t. 3, p. 132—133; V. Mažiulis. Ten pat, p. 31; Прусский язык. Словарь. 1975, т. 1, с. 94—95 и др.

⁹ См. V. Mažiulis. Seniausias baltų rašto paminklas. — Baltistica, 1975, t. 11(2), p. 125—131; здесь же транскрипция: **kails *rikis *tu *n'au *labans *tēvelis | *ik *k(v)aitu *pōt *nik(v)aitu *penigan *dīt*. Ср. также S. McCluskey, W. R. Schmalstieg, V. J. Zeps. The Basel Epigram: A New Minor Text in Old Prussian. — General Linguistics, 1975, No 15, p. 159—165; W. R. Schmalstieg. An Old Prussian Grammar. The Pennsylvania State University Press, 1974, вклейка перед титульным листом. К Базельскому тексту предполагается подробнее обратиться в другом месте.

¹⁰ Ср. так наз. *давать здорóв*, слезливое обращение невесты к отцу в метрической форме, или „здорованье“ в свадебном обряде.

¹¹ Ср.: Item so einer begeret eines mannes tochter, so giebet er sie Ime nicht vergebens... Er mus auch der Braut geloben, einen borten und mantel zu kauffen. Wann sie nu vorsagt ist, So bittet

прусск. *kails* использовалось и в свадебном ритуале, причем, видимо, неоднократно. Поэтому представляет интерес разбор реальных ситуаций (все они сильно институализированы), в которых употребляется это прусское слово.

Базельский текст, относящийся к середине XIV в. (ср. имеющуюся в фолианте дату — 1369 г.) и возникший, видимо, в космополитической среде Пражского Университета, представляет собой шутливо-ироническую поговорку, присловье, с которым один *Studiosus* обращается к другому, своему коллеге и в данный момент собутыльнику (ср. *rekuse* 'о господин!', *thewelyse* 'дядюшка'). Возникает вопрос: относится ли пересекающая это присловье изогнутая фигура молодого человека, выступающая почти как ось симметрии (см. факсимильные воспроизведения этого текста)¹², именно к присловию? Учитывая пространственное соотношение фигуры и текста, а также надпись на знамени (напоминающем по форме рог для питья) в правой руке фигуры „Jesus ich leid“, которую можно понимать как шутливую исповедь страждущего „пьяницы“, приходится считать, что эта фигура вполне могла бы изображать *Trinkbruder*'а, который „хочет пить, но не хочет за это платить“. По-видимому, начинающая текст последовательность *Kayle rekuse* возникает здесь как своего рода стилистическая и ситуационная трансформация обычного и поэтому нейтрального **Kails & Nom. progr.* собутыльника или его обозначение (друг, господин и т.п.). Существенно подчеркнуть, что все присловье представляет собой гекзаметрическое двустишие¹³, относящееся, по всем данным, к сфере типичного студенческого фольклора, берущего начало еще в средневековой традиции (можно напомнить, что более или менее сходные по содержанию стихотворные присловья известны на латинском и немецком языках¹⁴). Этим объясняется несомненная и нарочитая манерность двустишия, его ориентация на каламбурность, как бы выход из-под надзора некоей контролирующей инстанции, умышленный буквализм или, точнее, графизм („гипер-ученость“). Ср., по крайней мере, графические рифмы *rekuse* —

sie Ire freuntschaft. frawen vnd Jungfrawen, auff das sie mit Ir wehklagen. Die braut hebet an vnd weinet schentzlichen, darnach spricht sie: o hu hu, wer wirdt nu meinem vaterlin vnd mutterlin Ire betlin machen? Wer wirdt Inen die fuslin waschen? Wer wirdt Inen das vihlin warten? O mein liebes ketzlin hundlin hunerlin genslin Schweinelin pferdlin, wer wirdt euch gut thuen?... (LPG 253 — 254).

¹² Похоже, что фигура написана раньше, чем прусский текст, расположение которого как бы подлаживается к этой изогнутой фигуре. Любопытно, что фигура делит весь текст на два „квази-подтекста“, которые вполне могут быть осмыслены: „(Твое) здоровье, господин! | если ты хочешь пить“ (слева) и „Ты уже нехороший дядюшка, | ты не хочешь денег дать“ (справа).

¹³ Ср. „Atrodo, kad šios dvi eilutės parašytos hegzametu, nors jo daktiliai bei spondėjai ir gana dirbtiniai: a) pirmoji eilutė — *Kayle rekuse · thoneaw labonache thewelyse* (arba kiek kitaip) ir b) antroji eilutė — *Eg·koyte· poyte· nykoyte· pēnega doyte* (tik taip). Spėti BPT buvus hegzametrinį norėtuši, pirmiausia, štai dėl ko: tur būt tik hegzametro sudarymu paaiškintinas balsio (resp. raidės) -e pridėjimas žodžiuose *rekuse* -e, *thewelyse* -e (čia be pridėtinio -e neišeitų pirmosios eilutės hegzametras, tiksliau sakant, jis būtų beveik ištisai spondėjinis). Tokiu pridėjimu nereikėtų labai stebėtis, atsižvelgiant į tą, kad hegzametrinis BPT yra humoristinio-ironizuojančio pobūdžio darbelis (...), sukurtas, matyt, kažkokio studiozo ir dėl to galintis turėti tam tikrų besimokančio jaunimo kalbos (šiuo atveju — eiliuotinės) žargoniškumą bei kalamburiškumą“. См. V. Mažiulis. Seniausias baltų rašto paminklas, p. 125.

¹⁴ В связи с Базельским текстом уместно напомнить, что в одном средневековом стихотворении, также написанном гекзаметром, обнаруживается так наз. *hails gothicum*.

thewelyfe и особенно лавинообразный ряд с комическим эффектом: *koyte* — *poYTE* — *nykoyte...* — *doYTE*. Вероятно, в этом же контексте должны рассматриваться и многочисленные *-e* в Auslaut'e. В. Мажюлис убедительно показал, почему в *kayle* (BPT) *-e* не может быть истолковано как флексия Voc. (перечисленные выше написания *kails*, *kailles*, *kailefs*, *kayles*, *kayle*, несомненно, отражают одну и ту же грамматическую форму — Nom. Sg. masc. от Adj. *kails* или *kailas*). Им же была предложена эмендация **kayls* (вм. *kayle*) по типу **arelis* (вм. *arelie*. Э 709) или **kayles* (ср. формы этого слова у Малетиуса) с выпавшим позже *-s*. Вместе с тем предпринимаются попытки к объяснению *-e* в *kayle* влиянием лат. *salv-e* с тем же значением, что и *kayls*, или стремлением выдержать требование гекзаметра. Все эти соображения, естественно, заслуживают внимания и обсуждения. Однако следует подчеркнуть, что из одиннадцати слов Базельского текста восемь оканчиваются на *-e*, причем, строго говоря, оно нигде не может вполне точно мотивироваться с грамматической точки зрения. В лучшем случае речь могла бы идти о приблизительном соответствии (*-te = -tu*, *-te = -t*). Не исключено, что этот гиперморфизм *-e* также предопределен (хотя бы отчасти) установкой на шутку и — дополнительно — некоторой аффекацией метрического критерия (ср. несколько шаржированный стиль с установкой на произнесение максимального числа *e muet* при чтении французских стихов или произнесение конечного *-ʒ* в некоторых разновидностях богослужебного стиля чтения в православной церкви).

Другая (более интересная с точки зрения реконструкции) ситуация изображена в уже упоминавшемся разделе „Von den todten“ из сочинения Иеронима Малетиуса. Здесь дается описание драматизированной ритуальной сценки, когда пьют пиво за здоровье умершего, который, будучи уже больным, незадолго до смерти, выставил своим друзьям бочку пива с тем, чтобы они почтили память дарителя после его смерти. Ср.: So einer kranck wirdt, setzt er nach vermögen dem dorffe vnd seinen freunden etliche tonnen bier, auff das sie Inen beweinen, so er gestorben Ist. Den leichnam baden sie In einer warmen badstuben oder keuben, waschen Inen rein vnd ziehen In an mit weissen kleidern vnd setzen Inen auff einen Stul vber ende. Darnach zappen sie eine tonne biers an bis auff die helfften, giessen das In ein gefesse, nemen eine Schalen. Ein itzlicher trincket dem todten zu vnd spricht: *kayls* naussen gingethe, ich trincke dir zu, unser freund; warumb bist du gestorben? hastu doch dein liebes weib, dein vich, deine kuhe? *reimens* [NB! — B.T.] *alles* herfür. Zum letzten trincken sie Ime gute nacht zu vnd bitten Inen, das er In Jener welt Ire veter Bruder freunde wolte fleissig grussen vnd sich mit Inen auch wolgehaben, darnach ziehen sie Inen an mit seinen kleidern, gurten Ime ein messer an die seiten, ein lang tuch umb den hals, da binden sie Ime geld ein zur zerunge (LG 257). Указание на рифмованный характер прусских фраз существен не только в связи с уже отмеченными выше случаями „стихотворного“ использования прусск. *kails*, но и как средство корректировки реконструкции прусских фраз с помощью некоторых метрических критериев — как в ее данной прусской части (ср. бецценбергеровское **kãil|a|s* & **nóuson* & **gintele*, с условной расстановкой ударения, обеспечивающей, кажется, хореическую схему; ср.

гексаметр Базельского двустишия), так и в части известной лишь по немецкому переводу и подлежащей восстановлению. Нужно полагать, что реконструкция прусского текста, соответствующего указанным немецким фразам, имеет серьезные основания в свою пользу. Все говорит за то, что немецкие фразы содержат не пересказ содержания прусского текста, а именно его точный перевод. Вообще допустимо предположение, что ведущий запись, успев записать предыдущую короткую трехсловную прусскую фразу (в которой, кстати, он вполне свободно мог выделить *kails*, легко и естественно сопоставляемое с нем. *heil*, употребляющимся, в частности, в аналогичной ситуации в немецкой традиции), не успел зафиксировать следующие две прусские фразы, так как они были значительно длиннее первой (видимо, 13 слов). В качестве некоей компенсации записывающий сообщает о стихотворном (*reimens*) характере этой части прусского текста. Впрочем, и без этого указания едва ли можно было бы сомневаться, что в данном случае речь идет о наиболее характерном фрагменте плача (ср.: ...*auff das sie Inen beweinen...* у Малетиуса), имеющем аналогии в самых разных традициях и, в частности, в соседних балтийских и славянских. Ср., с одной стороны, лит. *Kam (ko) tu (nu)mirei; O kam tu palikai | Mane siratelė!; O kam gi palikot | Mane neščėslyva!* и т.п.¹⁵ из плачей по умершим в соответствии с *warumb bist du gestorben?*; а с другой стороны, в связи с перечислением *liebes weib, vich, kuhe* — фрагменты плачей, в которых перечисляются жена, дети (иногда родители), скот¹⁶, оставшиеся без хозяина и защитника. Переводя пословно наиболее естественным образом (к счастью, в разбираемом случае, кажется, нет альтернативных вариантов и, следовательно, проблема выбора не стоит) немецкую фразу *warumb bist du gestorben?*, получаем с большим вероятием прусский текст типа **kásmu(?) & *assai & *tú & *auláuns?* или, скорее, **kásmu(?) & *tú & *assái & *auláuns?* — т.е. правильную строку четырехстопного хорей¹⁷, где ритмическая схема задается уже просодической структурой первого слова (ср. аналогичные примеры в белорусской или украинской народной словесности, где *чамў*, соответственно *чомў*, наоборот, задают ямбическую схему). Следующая немецкая фраза (*hastu doch dein liebes weib, dein vich, deine kuhe?*), вероятно, могла бы отражать — с точностью, оправдывающей эту реконструкцию, — прусскую последовательность типа **túr(i) & *tu & *tvájan & *mílan & *génan | *tvájan & *péku (*pekan) & *tvájan & *kléntin?* — также с (условно) хорейческой схемой. Таким образом, восстанавливается некий фрагмент прусского ритуального текста, использовавшегося в похоронном обряде и имевшего ритмически организованную форму:

*káil(a)s & *nóuson & *gíntele!

*kásmu(?) & *tú & *assái & *auláuns?

*túr(i) & *tu & *tvájan & *mílan & *génan?

*tvájan & *péku (*pekan) & *tvájan & *kléntin?

¹⁵ Ср. в евангельской цитате: *kam tu mane apláidai* (Daukš. Post. 173, 8).

¹⁶ Ср. близкое по характеру перечисление (родители, скот и т.п.) в свадебном обряде, когда невеста прощается с родительским домом (см. выше — LPG 254: фрагмент текста).

¹⁷ Ср. в литовских плачах *Kám tu mirei, | Kám tu mirei...* (то же с *Ko*).

Конечно, этот реконструированный текст нуждается в своего рода постредактировании на разных уровнях (фонетическом, морфологическом, может быть, синтаксическом и лексическом и уж, конечно, просодическом и ритмическом¹⁸), но и в таком виде он обладает значительной эвристической ценностью. Более того, несовершенство подобной реконструкции не следует преувеличивать: в канонических прусских текстах существует немало фрагментов, степень достоверности которых, определяемая возможностью передачи их в стандартизированной форме, предполагающей однозначную идентификацию всех языковых элементов, никак не превышает достоверность реконструированного отрывка. Сам же реконструированный текст получает известное оправдание в том, что он обнаруживает ряд существенных признаков своей организации, которые никак не были запрограммированы самой реконструкцией (ритмическая форма, звуковая организация и т.п.), и, следовательно, получает в свою поддержку ряд аналогий в близких традициях. Особое значение имеет, конечно, и то, что реконструированный текст является не только текстом прусского языка, но и памятником прусской культуры. В этом смысле он глубже и органичнее укоренен в прусской модели мира, чем известные нам тексты прусских катехизисов, обязанные своим происхождением иным культурным традициям.

Наконец, третий случай ритуального употребления *kail-* — ежегодные поминки, описываемые Малетиусом („Von jerlichem gedechtnis“): Das jerlich gedechtnis halten sie öffentlich, trotz wer es Inen wehre, ist das geschlecht Im vormögen. Wo aber das Vormögen nicht ist, thuns drey vier oder funffe zusammen. Ein itzlicher bittet seinen freund zur kirchen, zu begehen ein gedechtnis seines vaters, vnd bereden sich auff dem kirchhoff; gehen sie In den Krug der Inen gelegen Ist. Die menner setzen sich sonderlich, die weiber desgleichen vnd haben paudeln mit vischen gebrotens vnd gesottens. Zwei weiber dienen zu tische; Keiner mus ein wort reden vber dem essen; die beide weiber legen Inen die speise vor vnd keiner mus ein messer ziehen. Die speise ist geteilet, das man nicht messer bedarff. Da essen sie vnd ein Jder, was er dem todten gönnet, das lest er fallen vnter den tisch vnd giessen eine schalen biers nach, vnd wann die malzeit geschehen vnd das tuch auffgehoben, so dancken sie dann deme, der das Jerliche gedechtnis gehalten hat vnd heben an zu sauffen kayls posskayls ein peranters vnd *singen* Ire *gesenge* bis sie nicht mehr auf Iren fussen können stehen vnd welches weib dem manne

¹⁸ Любопытно, что семантический ореол печали, тоски, скорби характерен для четырехстопного хорей и для поэзии литературного происхождения. Ср. у Майрониса:

Miškas ūžia, verkia, gaudžia;
Vėjas žalią medį laužo;
Nuliūdimas širdį spaudžia,
Lyg kad replėmis ją gniaužo.

.....

Verkia Lietuva didvyrių:
Jų neprikelia tėvynė.

Kas mums praeitį gražintų,
.....

Kas tuos kaulus atgaivintų...

(„Miškas ir lietuvis“)

zutrinckt, nach dem trunck stehet sie auff, reichet dem manne die schalen, giebt ime die hand vnd kusset Inen vor den mund. So thut auch widerumb der mann der frawen (LPG 258–259). — Первая половина прусской фразы реконструируется как **kails!* — **pats & *kails* (собств., **kails/ *tu | *pats*)¹⁹ и рассматривается как отражение элементарного обмена приветствиями типа: *будь здоров!* — *и ты сам будь здоров!* (или: *и тебе того же...*). Беценбергер идет, однако, еще дальше и считает, что в указанном месте имеется в виду не этот обмен приветствиями, а обычай предварительного возлияния (*kails* — *der Brauch des Vortrinkens*) и связанный с ним обычай последующего возлияния или соответствующего ему прихода (*pats kails* — *der Brauch des Nachtrinkens, des Nachkommens*). В таком случае объясняются и несколько неясные слова из Данцигской рукописи: „das Vortrinken und das Nachtrinken ist verwerflich und nur da gilt es für tugendhaft, wo das Laster, nemlich das Saufen, für ehrenvoll gilt“ (139). Если это действительно так, то *poskeiles* у Грунау стоит вместо *kails pats kails*, являющегося итоговым обозначением акта „des Vor- und Nachtrinkens (-kommens)“. Вторая половина прусской фразы также отсылает к прусскому застольному обычаю, который, по мнению Беценбергера, состоял в том, что *kails* — *pats kails*, das „Vor- und Nachkommen“, происходил между двумя партиями (группами) участников, одна из которых состояла из одного, а другая из нескольких (или многих) членов. При этом пили „einer gegen mehrere andere“, oder „der eine den anderen entsprechend“, oder „der eine die anderen entlang“. Отсюда и предлагаемая Беценбергером реконструкция — **ains par antros* (Асс. PR.), которая, впрочем, позволяет просто объяснить эту процедуру — как питье друг за друга, одного за других и т.п. без того, чтобы непременно принимать предложенное Беценбергером членение застольной компании. Тем более, разумеется, нет необходимости принимать фонетическую сторону беценбергерской реконструкции этой части фразы, как, впрочем, и пытаться соотнести явно испорченные записи с наиболее правдоподобным вариантом — **ains & *per & *antrans* (или: **ant-ran. Sg.*)²⁰. При всей спорности ряда элементов в такой реконструкции достаточно правдоподобно, что и эта застольная форма была ритмически упорядоченной, ср., напр.,

**kails! & *pats & *kails! | *áins & *per & *ántran(s)*²¹, воплощающее ту же схему четырехстопного хорея (с четырьмя ударными *á*).

Очень показательно, что все примеры прусск. *kails*, рассмотренные выше, относятся к одной и той же ситуации — здравица в связи с питьем вина („выпивка“)²², которая сама по себе может входить в разные обряды — по-

¹⁹ См. А. Bezenberger. Op. cit., S. 138–140. Впрочем, Буга (RR III, 133) реконструирует этот фрагмент в виде **kailas pōs kailas*, где *pōs* = лит. *põ, pà*, а все выражение соответствует лит. *sveikas pà sveikas*. Ср.: V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminklai, p. 31.

²⁰ Ср. возможную диссимиляцию: **antrans* > **antras*.

²¹ Ударение *ántran(s)*, конечно, условно.

²² Выше цитировались многочисленные отрывки, свидетельствующие о том, какое большое место в жизни пруссов занимали возлияния. Количество примеров легко может быть увеличено. Здесь достаточно привести лишь самое раннее (если не считать сообщения Вульфстана: *and se cunning and þa ricostan men drincað myran meolc, and þa unspedigan and þa feðwan drincað medo... and ne bið ðaer naenig ealo gebrowen mid Êstum, ac þaer bið mēdo genðh. SRP I, 733: Orosius I, 1, § 20*) упоминание о „пьянстве“ пруссов

хоронная церемония, годовщина смерти (поминки), видимо, свадебные церемонии (см. выше)²³, десакрализованные пирушки (типа студенческих) и т.п. Особая роль возлияний (сопровождавшихся у пруссов здравицей *kails!*) может объясняться двумя факторами: во-первых, продолжением старой индоевропейской традиции (именно о ней, видимо, и сообщает Вульфстан), согласно которой целостность (и.-евр. **kai-lo-*, **kai-lu-*; вопреки мнению старых исследователей, прусское слово не может считаться теперь германизмом, — ср. *kail-üst-isk-un* ‘здоровье’ и многочисленные славянские образования от **cěl-*, исключаяющие предположение о заимствовании²⁴) была связана с особой сакральной витальностью, единством, воплощающими божественную силу и не подверженными табу (как другие виды сакрального)²⁵, при том, что целостность нуждается в неких актах — реальных и символических, — которые ее поддерживают, возобновляют, увеличивают (возлияния, в частности, и принадлежали к числу этих актов, равно реальных и символических); и, во-вторых, особым влиянием германской традиции возлияний, так поразившей еще античный мир²⁶ и устойчиво сохранявшейся и оказывавшей определенное влияние и в рассматриваемом ареале²⁷. В частности, это влияние могло отразиться и в ритуальном узусе соответствующих слов. Конечно, не случайно модель *hails goticum* (нем. *heil* и т.п.) с сохра-

из Дюсбурга (Chron. Pruss. III, 5): „Non videtur ipsis, quod hospites bene procuraverunt, si non usque ad ebrietatem sumpserunt potum suum. Habent in consuetudine, quod in potationibus suis ad aequales est in immoderatos haustus se obligant, unde contingit, quod singuli domestici hospiti suo certam mensuram potus offerunt sub his pactis, quod postquam ipsi ebiberunt et ipse hospes tantundem evacuet ebibendo et talis oblatio potus totiens reiteratur, quousque hospes cum domesticis, uxor cum marito, filius cum filia omnes inebriantur“ (воистину, *ains *per **ant-rans!*).

²³ Во всяком случае, есть все основания думать, что *kails!* произносилось каждый раз, когда во время свадьбы происходило питье вина или пива. В „Von jren Sponsalien vnd vorlubnissen“ об этом говорится не раз (ср.: ... So schicket ir der Brautigam einen wagen vnd wann sie auff die granitze des dorffs kompt, so kompt einer gerant hinter dem wagen, hat In der einen hand einen brand fewer, In der andern eine kanne bier...; Wann sie getruncken, so furet man die braut vmb den herd...; Darnach thut man Ir das tuch von den augen, sitzen zu tisch, essen vnd trincken ... LPG 255—256). Ср. здравицы в подобных ситуациях в русской свадьбе.

²⁴ Об этимологии *kails* и под. см. подробнее: Прусский язык. Словарь. Т. 3, s.v.

²⁵ См. E. Benveniste. Vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris, 1969, t. 2, p. 180—187 и др.

²⁶ Помимо хорошо известных свидетельств античных писателей, ср., напр., эпиграмму из „Anthologia latina“ — *Inter eils goticum scapia matzia ia drincan | non audet quisquam dignos educere versus—*, где цитируются наиболее частые готские слова (и среди них первое — *eils* [= *hails*] и последнее — *drincan* ‘пить’, ср. вышеописанную ситуацию у пруссов: *Kayle ... Eg. koyte poyte ...*), из-за которых не отваживаются слагать достойные латинские стихи. В германской языковой и ритуальной традиции равно надежно засвидетельствованы и связь *hails* и под. с возлияниями, и связь *hails* и под. с идеей целостности, здоровья, счастья. Ср. готск. *hails* ‘целый’, ‘здоровый’, *hailags* ‘священный’, ‘святой’ (ср. уже *hailag* на кольце из Пьетроассы или *Wodini hailag* в другой рунической надписи), *hailjan* ‘лечить’, др.-исл. *heill*, др.-англ. *hāl* (англ. *whole, holy, heal*), *hāl* ‘счастье’, ‘здоровье’, др.-в.-нем. *heil*, нем. *heil, Heil* и т.п. См. W. Baetke. Das Heilige im Germanischen. Tübingen, 1942; E. Polomé. Germanic and Regional Indo-European. — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970, p. 62—63.

²⁷ Ср. такие эталоны пьянства, как „пьян, как немец“, „пьян, как пруссак“, „пьян, как поляк“ (но и „пьян, как русский“).

нением этимологически тождественного слова отмечена не только в прусском, но и в полабском (кажется, единственном из всех славянских языков). Ср. полаб. *col* : *Tsiöl* 'A votre santé' (Pfeffinger), *Tsióol* (Eccard), *Thiol* 'Eure Gesundheit' (Vocabul. Vandal.), *Tsiol* (Domeier), *Zoolte* 'Willkommen' (Вауссеур)²⁸ — из **col-tě* < **...ti*, может быть, под влиянием нем. *heil dir*, как думал Ф. Шпехт (см. KZ 64, 1937, 17). Очень возможно, что подобная конструкция существовала и в прусском — **kails & *tebei!* Собственно, лишь она вполне удовлетворительно объясняла бы ответ **pats & *kails!* 'сам (будь) здоров!' Впрочем, в таких предположениях, основанных на аргументах типологического и особенно ареального характера, можно пойти и еще дальше. Так, уместно поставить вопрос о возможности использования прусск. *kails!* в качестве приветствия при встрече по образцу нем. *heil!* (ср. готск. *hails* как эквивалент *χαῖρε!* или др.-англ. *wes hāl!*, англ. *wassail* и т.п.). Целование при встрече (и расставании, как, впрочем, и в пьяном состоянии) в славянской (прежде всего в русской) традиции, учитывая связь **cělovati* с **cělъ*, должно рассматриваться как побочный аргумент в пользу предположения, согласно которому и в ритуальном поведении славян использовалось слово с корнем **cěl-* (**koi-l-*), обозначавшее приветствие, метонимически закодированное как целование (ср. ст.-сл. ЦѢЛОВАТИ 'приветствовать', др.-русск. *цѣловати* 'приветствовать', 'благодарить' и т.п.)²⁹, т.е. подчеркивание целостности-цельности, восстановление и умножение ее, состояние наилучшего здоровья (ср., с одной стороны, *будь здоров!*, с другой, — *целить*, *ис-целять* и т.д.). Кстати, в связи с этой темой следует напомнить уже цитировавшийся отрывок из Малетиуса (LPG 259), точнее, ту его часть, которая непосредственно следует за *kayls posskayls*: „vnd welches weib dem manne zutrinckt, nach dem trunck stehet sie suff, reichet dem manne die schalen, giebt ime die hand vnd kusset Inen vor den mund³⁰. So thut auch widerumb der mann der frawen“, т.е. возлияние, протягивание руки (ср. обычай здороваться за руку) и поцелуй как потенциально единая сфера, обозначающаяся прусским *kail*-³¹.

2. Балт. **ik-* : к реконструкции синтаксических функций

Установление внутрибалтийских связей элемента *ik-*, открывающее путь и для этимологического объяснения, зависит прежде всего от возможностей нахождения такого инварианта синтаксической схемы, который объяс-

²⁸ См. Т. Lehr-Splawiński, K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian Połabskich. Wrocław—Warszawa—Kraków. 1962, Т. 1, с. 86.

²⁹ При таком понимании *целовать* (т.е. говорить что-то вроде 'будь цел!' — подобно *здороваться*, т.е. говорить 'будь здоров!', 'здравствуй!') выступает как делокутивный глагол, произведенный от соответствующей фразы. См. E. Benveniste. Les verbes délocutifs. — In: *Studia linguistica et litteraria in honorem L. Spitzer*. Bern, 1958. Не исключено, что и прусский мог обладать глаголом такого типа (напр., **kailaut* (?) 'говорить *kails!* — подобно *dīnkaut* и т.п.).

³⁰ *Меня предавших в лоб целую, | А не предавшего в уста*, — по словам Ахматовой.

³¹ Ср. также и обычай последнего (смертного) целования в связи с обращением к покойнику **kails & *nouson & *gintele* (см. выше).

Когда же условие свертывается, т.е. локализуется в пределах минимального синтаксического сочетания (предложно-падежная конструкция), соответствующий союз импликации трансформируется в предлог, указывающий предел (пространственный, временной, условный), ср. значение 'до'. Приняв эту синтаксическую схему с двумя состояниями (т.е. *ik*- в функции связки двух частей сложноподчиненного предложения и *ik*- в предложно-падежной синтагме), нельзя пройти и мимо соответствующих прусским нормам литовских примеров с *iki*, *ik*, которые, тем не менее, в данной связи до сих пор неоправданно игнорировались. Речь идет о случаях, когда лит. *iki*, *ik* выступает в сложноподчиненном предложении, как и прусск. *ikai*, в качестве союза. Ср.: Pavargėliai valgys, ik privalgo (Bretk. Post. I, 208); Būk ten, iki kolei pasakysiu tau (Bythner N. Testam. Mt. 2,13); Daug vargų tėvams savom padarėm, ik bėginėt išmokom (Donel.); Dar ilgs pažygys, iki vėl vasarėlę sulauksim (Donel.) и т.п., см. подробнее LKŽ 4, 24, 29. Вместе с тем лит. *iki*, *ik* в предложно-падежных конструкциях реализуют и значение 'до' (в прусском нет соответствующего предлога, хотя значение предела, как было показано выше, обнаруживается и в Conj. *ikai*): Bėk iki kalno; Iki vakaro pabaigsiu; Kariaus iki savo gyvos galvos (Daukant.); nuog miesto ik miesto; Net ik vakarui (Daukš. Post. 190); Gausit ik vienam и т.п. (LKŽ 4, 23–24, 28–29). Для уточнения вопроса о зависимости семантики *ik* от его синтаксической позиции следует напомнить, что *ik* в литовском может выступать и как частица (Partic.) в значении 'даже' (= *net*), ср.: Nes ik kunigamus... regėjos šventvagystė (Daukš. Post. 565), открывающем возможность далеко идущего параллелизма с праслав. *da že: *do že (ср. русск. *даже*: русск.-ц.-слав. *доже* и т.п.). В свою очередь, *iki* может выступать и как Adv. ('*dar*', '*kol*'), ср.: Su jais linksmavo ir šokinėjo iki prigėrės ir atgulės (Bretk. Post. II, 195); Nuo užgimimo savo iki mirštęs (Daukš. Post. 46) и др. Наконец, заслуживает упоминания и еще один вид синтаксической трансформации (сложное слово), приводящей к появлению новых вариантов значения. Речь идет о сложных наречиях (Adv.) типа лит. *ikdien*, *ikvienas* (не смешивать с несколько иным типом — *ikšiðlei*, *ikikolei*, *ikgál*, *ikigaliai* и т.п.), отражающих особый вариант значения балт. *ik- — 'каждый', 'всякий', 'постоянный', как обобщение серии частных условий ('если этот день... если другой день... / что ни день..., то... / => 'каждый день').

Латышские примеры отражают в принципе ту же ситуацию. Ср. *ik* как Conj.: ik dziesmiņu izdziedāju, satinu dziesmu kamuolā (BW 47); ik ediena laiks, tev jāmazgājas; часто в виде *ik... ik*: ik es gāju gar kapiem, ik es gauži nuoraudāju (BW 4044); ik suoļu pabrauc, ik pāris bērnu izkritis „wieviel... sobald...“. Вместе с тем, *ik* выступает и как Praep. с Gen. и / или Acc., ср.: ik vakara (vakaru, vakarus), ik rīta (rītu, rītus). Распределительное значение таких примеров, как ik māju pieci zaldāti „je auf ein Haus, auf jedes Haus fünf Soldaten“, собств. — „wieviel Häuser, (soviel) fünf Soldaten“ (ME 2, 703), еще позволяет вскрыть предшествующую во времени семантическую ситуацию — „что до дома..., то...“, „если один дом..., то...“. Ср. также многочисленные случаи типа *ik dienas*, *ik vasaras*, а также *ik katrs*, *ik dienas*, *ik gadus*, *ik vakara*, *ik viss*, *ik visur*, *ik viens* и др. (ME 2, 702–705), не говоря уж об употреблении *ik*

как Adv. со значением 'всегда' или в сочетании с Praep.: *kungs palika ik ar dienu bagātāks*; *ik pa simts gadiem iz kalna pascēļoties pils* и т.п. (ME 2, 703). Впрочем, в латышском с элементом *ik* значение 'до' (обычное для литовского) связывается и непосредственно. Ср.: *es varu dzert un dziedāt, ikā m rīta saule lēsa* или же — более опосредствованно ('während', 'solange als') — *man galdiņš piederēja, ikā m māsa vainagā* (BW 24228).

Следовательно, для всех балтийских языков в принципе восстанавливается приблизительно единая схема функций элемента *ik* и его зависимостей от фрагмента текста, который он организует и который в свою очередь определяет принадлежность *ik*- к тому или иному грамматическому классу. Эта ситуация находит довольно многочисленные типологические аналогии, из которых здесь стоит указать лишь несколько близких славянских примеров, подчеркнув особо, что некоторые из них отчасти (элемент *k*-), видимо, связаны с *ik*-, *iki* и генетически. Ср. ст.-русск. *докамѣстѣ*, *докамѣсть*: 1) Conj. 'до тех пор, как', 'пока': А жалобник солжет, и его бити кнудом да вкинути в тюрьму, докамѣст порука по нем будет (Суд. Фед. Ив. 1589); А сам [царь] долго стоя ждалъ, докамѣстѣ братъ на улице ребенка сыскалъ (Аввак. Жит. 1673); — 2) Adv. 'пока': А сими днгами докамѣсть чаюся изправитца (Грамотки 1608 г.)³⁴; русск. диал. *докамѣст*, *докамѣсть*, *докамѣсь*, *докамѣс*, *докамѣче*, *доками*, *докамѣ*, *докам*, *дока* и др. (СРНГ 8, 96 — 97); укр. *доки*, *док*; с.-хорв. *дока*, *док*; — ст.-русск. *покамѣстѣ*, *покамѣсть* (Дала есми тѣ села... по его душѣ... покамѣсть и святая обитель сѣя стоитъ. Срезневский. Матер. др.-русск. яз. 2, 1102), русск. диал. *поки*, блр. *поки*, укр. *поки*; др.-польск. *поку*, польск. *поки* 'пока', 'до тех пор, пока'; русск. *пока*; болг. *от ка* и т.п. При этом следует, конечно, помнить о предположно-падежном происхождении рассматриваемых слов. По естественной в данном случае аналогии целесообразно думать, что более или менее сходная ситуация могла бы объяснить и происхождение прусск. *ikai* и его вост.-балт. соответствий. При этом существенно помнить о главном аспекте сравнения (*ik*-) и не отвлекаться в данной связи на анализ тех элементов (*-ai*), которые, независимо от того, как их следует объяснять, в общем контексте излагаемой здесь схемы выглядят как детали. Поэтому здесь достаточно обозначить лишь некий общий круг возможностей объяснения элемента *-ai* в прусск. *ikai* (связь с наречным формантом, представленным в прусск. *bitai*, *drūktai*, *labbai* и др.; с союзами типа *kai*, *nikai*; со старой падежной флексией, ср. *kai* при *kas*, *ka*, *kan* и т.п. /в связи с прусск. *ikai* ср. лтш. *ikām*/; аналогия с усилительной частицей *-ai* в литовском, присоединяемой к концу слова, ср. *ašai* при *āš* 'я', *dūjai* при *dū* 'два' и т.п.³⁵). Впрочем, в прусском существовала, видимо, и форма без *-ai*, совпадающая, следовательно, с вост.-балт. *ik*. Об этом, кажется, свидетельствуют *iquoitu* (III 51, 15; 51, 33), понимаемое как **ik quoi tu* 'если ты хочешь', и *eg. koyte* во второй строке Базельского текста, которое трактуется сходным образом — **ik *k(v)šitu* (В. Мажюлис). На-

³⁴ См. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977, вып. 4, с. 290; ср. здесь же *докамѣстѣ*, *докамѣста*, *докамѣста* в локальном и временном употреблении.

³⁵ См. Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos dialektologija. V., 1966, p. 431; W. R. Schmalstieg. An Old Prussian Grammar, p. 14. — Едва ли следует считаться с предлагаемой возможностью трактовки *-ai* как *-ā*.

писание *eg* с *e* вместо *i* объясняется, вероятно, условностями графики (ср. в том же тексте *rekuse* = **rikis*). У. Р. Шмальштиг с некоторым сомнением предлагает сопоставить прусск. *eg* с лит. диал. *ėgu* 'если' (= *jeigu*) в р-не Паневежиса (см. LKŽ 2, 1053)³⁶. Однако сам способ передачи *jei-* через *e-* для прусского (во всяком случае) представляется спорным; что же касается *g*, то оно хорошо известно и в вариантах *ik* и поэтому не нуждается в апелляции к *jeigu*. Ср. лит. *ig*: *Kol nueisim ig ežero, tai ir išauš* или же *Karalaitė... igi vakarui sau uogas rinko* (Basanav. Pasak. III, 18) и в качестве Conj.: *Igi atrado, daug vargo matė* (Basanav. Liet. pasak. II, 56) см. LKŽ 4, 20, 21; ср. также *i 'ik'*. Эти формы с *g* (*ig*, *igi*), отмеченные в диалектах (Jurbarkas, K. Naumiestis, Veisiejai), справедливо, кажется, объясняются влиянием Праер. *lig*, *ligi*³⁷, соответствия которому в прусском не обнаружено, хотя сам этот корень хорошо известен.

Возвращаясь к вопросу о происхождении прусск. *ikai*, следует помнить о ряде трудностей, связанных с вокализмом первого слога. Речь идет о вост.-балт. формах с *ie-*, ср. лит. *iekvienas* 'kiekvienas' (ср. обычное *ikvienas*), *iekas* 'kiekas', *iekà* 'kiekis', 'daugis' (LKŽ 4, 12), *jiek* 'iki', 'aliai', *jiekà* (см. *iekà*), *jiekas*. Pron. indefin., *jiekvienas* (LKŽ 4, 344), ср. *jèk*; лтш. *ièkam*, *iekam* 'bevor', 'ehe'; 'solange', 'bis' (ср. *lai stāv zīles klētiņā, iekam puķes nuoziedēs*. BW 6083), *iekams* (ME 2, 24). Как бы ни объяснять это *ie* (возможно, что единого объяснения и не существует, поскольку, по крайней мере, в части форм *ie*, видимо, неорганично и обязано своим происхождением аналогичным процессам, ср. *iekvienas*, где первое *ie-* или результат уподобления второму *ie*, или результат притяжения к синонимичной форме *kiekvienas*), оба варианта (*i-*, *ie-*) возводят к местоименной основе. Френкель (LEW 183) соотносит вост.-балт. формы (избегая при этом говорить о прусск. *ik*, *ikai*) с и.-евр. **jo-* (Pron. relat.) и сравнивает их с близкими им по значению др.-инд. *yāvat*, др.-перс. *yāvā*, *yātā*, др.-греч. *ἕως* и т.п. (отвергая при этом безценбергерское³⁸ сопоставление с лат. *aequus*). Не оспаривая возможности именно такой этимологии (по крайней мере, в принципе), следует все-таки признать ее абстрактность (тем более, что и синонимичность приводимых Френкелем параллелей весьма условна и имеет своей основой некий семантический инвариант, связанный с Pron. relat.) и неполноту (*-k*, *-ki* остаются за пределами объяснения³⁹). В последнее время оригинальное объяснение лит. *iki* было предложено О. Н. Трубачевым⁴⁰: *iki* рассматривается как сокращение (естественное для элемента, выступающего как проклитика) Праер. *likì*, которое

³⁶ W. R. Schmalstieg. Studies in Old Prussian. The Pennsylvania State University Press, 1976, p. 95.

³⁷ См. Z. Zinkevičius. Min. veik., p. 419; E. Fraenkel. Syntax der litauischen Postpositionen und Präpositionen. Heidelberg. 1920, S. 232 и др. Другой результат взаимовлияния этих двух предлогов видят в лит. *likì*, *likì*, *lik*; см. Эндзелин И. Латышские предлоги. Юрьев. 1905, т. 1, с. 77.

³⁸ См. ВВ 26, 1901, 166 и след.

³⁹ Эндзелин отчасти компенсирует эту неполноту, объясняя первую часть прусск. *ikai* из и.-евр. **is* (< **jo-*), а вторую часть — той же словообразовательной моделью, что и ст.-слав. СИКЪ при СЪ (т.е. **sī-kъ*: **sī*). См. FBR 12, 1932, 1. 171; Senprūšu valodas, 1.183.

⁴⁰ См. О. Н. Трубачев. Этимологические заметки. — In: Donum Balticum. Stockholm, 1970, с. 544—546 (1. Лит. *iki*).

в свою очередь заимствовано из ниже-немецкой диалектной формы, связанной с *licken* 'быть похожим', 'походить' (ср. др.-сакс. *ge-lik/o*/, нидерл. *gelijk*, н.-в.-нем. *gleich*, шведск. *lik*, датск. *lig*, др.-исл. *líkr*). Из этого же источника объясняется и кашуб.-словинск. *lik'i* 'до', 'вплоть до' (ср. *lik* 'всегда'). Последнее наблюдение, по-видимому, бесспорно, тогда как первое предложение, касающееся лит. *iki*, вызывает известные сомнения (при том, что для истолкования ряда случаев можно было бы допустить влияние заимствованного предлога). Эти сомнения коренятся прежде всего в структуре синтаксических функций балт. *ik-*, которая гораздо шире и сложнее, чем соответствующая структура *lik(i)*, и поэтому предполагает скорее уж противоположное предлагаемому направление влияния. Далее, *ik*, *iki* применительно к общевосточноевропейскому горизонту как предлог, видимо, не первично⁴¹ и не может объяснить роли этого элемента в функции союза в сложном предложении, где, как правило, участвует служебное слово местоименной природы (зато этот же элемент как *Conj.* вполне мог бы объяснить происхождение соответствующего *Praep.*, связанное с переносом тех же отношений в примененную сферу и автоматически следующей трансформацией „сокращения“). К тому же, *allegro* — формы от *lig*, *ligi* или *liki* едва ли дали бы *iki* как наиболее естественный результат. Во всяком случае лтш. диал. *li*, *le* вм. *līdz*⁴² свидетельствуют о другом, более естественном направлении в упрощении этого предлога; кроме того, *ik*, *iki* как союз не разделяло судьбу проклитик. Наконец, динамика соотношения между *iki* и *ligi*, *liki* в истории литовских говоров свидетельствует о постепенном вытеснении *iki* со стороны *ligi*, *liki*⁴³, что было бы маловероятным при *liki* > *iki*. Поэтому, видимо, целесообразно вернуться к кругу объяснений, выдвинутых Эндзелином и Френкелем, с учетом сказанного выше. В частности, в качестве предварительного этапа заслуживали бы внимания две типологически правдоподобные модели, которые могли бы помочь выявлению структуры прусск. *ikai* и его соответствий: сочетание двух местоименных основ или сочетание *Praep.* с местоименной основой (как в *докамѣстѣ* и под.). В связи с последней возможностью ср. участие *Praep. en* 'в' в выражении „значение предела“ (ср. прусск. *ergi en* 'bis in', *er en*, отчасти *empolijgu* 'подобно', в котором сочетаются *em-* = *en-* 'в' и *lig-*, ср. лит. *lyg*, лтш. *līdz* 'до'), а также поздние факты употребления вост.-лит. *ing* 'в' в значении *ik(i)* с *Dat.* Френкель показал⁴⁴, что в положении перед задненебными *ik* произносилось как *i* (ср. *i/k/ galui metu*. Марцинк⁴⁵) и, следовательно, совпадало с *i* 'в'. По аналогии это *i* выступало и в других позициях, ср. *i dienai* 'iki dienai'. Вместе с тем формы *in*, *ing* 'в' приобретают возможность выступать и в случаях типа *ing diviem dienom* 'до двух дней'.

⁴¹ Просвечивающие в балт. *ik-* относительно-местоименные потенции также склоняют отдать предпочтение скорее союзно-связывающему, нежели предложно-падежному происхождению *ik-*.

⁴² См. А. Bielenstein. *Lettische Sprache*. Berlin, 1863—1864, Bd. 1—2, § 571; Эндзелин И. Латышские предлоги, т. 1, с. 76; Id. *Latviešu valodas gramatika*. Rīgā, 1951, л. 660—661; М. Rudzīte. *Latviešu dialektoloģija*. Rīgā, 1959, л. 252 и др.

⁴³ См. Z. Zinkevičius. *Min. veik.*, p. 419.

⁴⁴ См. Е. Fraenkel, — *LPosn.* 3, 1951, с. 126 и сл.; *ŽfslPh.* 22, 1953, S. 97.

⁴⁵ См. А. Doritsch. *Beiträge zur litauischen Dialektologie*. Tilsit. 1911, S. O. 45, 64, 33; Z. Zinkevičius. *Min. veik.*, p. 419.

Нужно думать, что фонетические условия только помогают выявлению этого параллелизма предлогов со значением 'в' и 'до' (ср. такие соотношения, как *до вѣка* 'in aeternum'; аще что есть до мужа сего... 'ἐν τῷ ἄνδρὶ', 'in viro'; *до коихъ*... — *въ кои*... и т.п.). Прусская фонетическая ситуация, напротив, препятствует принятию такого хода развития. И, тем не менее, соседство этих двух значений ('в' и 'до') в ряде синтаксических конструкций делает, видимо, оправданным обращение к этому кругу фактов, по крайней мере, в связи с вост.-балт. примерами. Однако само по себе это обращение никак не предрешает конечного результата, т.е. установления надежной и, следовательно, достаточно конкретной этимологии балт. *ik-*. В этой заметке перед автором стояла, впрочем, другая задача: показать, как реконструкция первоначального синтаксического локуса данной формы помогает связать воедино то, что рассматривалось до тех пор как *membra disjecta* (даже несмотря на фонетическое тождество), и проследить траекторию грамматического и семантического развития от исходной реконструированной формы до ее реально засвидетельствованных и достаточно разнообразных рефлексов.

V. MAŽIULIS

Pr. *spanstan* "molspille" (E 322) etimologija

Ši pr. žodį įprasta skaityti *spaustan* ir sieti su lie. *spáusti* ir kt. (Trautmann, Die altpreuß. Sprachdenkm., S. 86, 434; Endzelīns, Senprūšu valoda, lpp. 253). Tačiau šį pr. žodį, reiškiantį „varpstę“ (čia — „girnų varpstę“), patikimiau skaityti *spanstan* ir jį laikyti priesagos *-(s)tan* (nom. sg. neutr.) vediniu (su šaknies apofonija) iš pr. **spend-* „verpti“ (semantiškai plg. pvz. lie. *varpstė* ← *veřp-ti*) < balt. **spend-* „tempti“ > lie. *spénd-ė* resp. *spėsti* „tempti, tiesti; statyti pinkles, spąstus“ ir kt. Lie. *spąstas* (dažniau: *spąstai*) = la. *spuōsts* < ryt. balt. **spanstā* (nom. -acc. sg. neutr.) tiek genetiškai, tiek darybiškai visai sutampa su pr. *spanstan* (nom. -acc. sg. neutr.) ir skiriasi tik reikšmėmis. Tą skirtumą nulėmė darybos pamatinis žodis: a) balt. **spend-* „tempti“ tuo metu, kai iš jo buvo daromas pr. *spanstan*, jau buvo išvirtęs į pr. „verpti“ (tačiau balt. **verp-* „sukti“ nevirto į pr. „verpti“), b) balt. **spend* „tempti“, iš kurio padarytas lie. -la. **spanstā* (nom. -acc. sg. neutr.), lietuviams ir latviams išliko su savo senovine reikšme (bet balt. **verp-* „sukti“ virto į lie. -la. „verpti“). Tuo tarpu tiek — non multa — apie šį pr. žodį (K. Būgos visai nenagrinėta) bei jo etimologiją.

нил бы различные (и, казалось бы, несводимые воедино) синтаксические функции элемента *ik-* в отдельных балтийских языках. Основные затруднения в этом смысле связаны с прусск. *ikai* 'если', 'ли', выступающим как союз (Conj.). Это словечко встречается трижды в Энхиридионе: *Bhe ikai mes sentesmu ankaititai wirstmai kai mes enwangan augaunimai bhe stan epwarrisan polaikumai* 'Vnd ob wir damit angefochten würden das wir doch endlich gewinnen vnd den sieg behalten' (III, 39, 4); — *kawijdsa duckti ious postāuns asti ikai ious labban seggēti bhe ni tijt būrai asti* 'Welcher Tóchter jr worden seyt So jr wolt hut vnd nicht so schlúchter seyt' (III, 59, 16); — *bhe ickai ainonts ēstan turilai preiwaitiat stas segē stas en kērdan...* 'Vnd hat jemens darein zu sprechen der thue es bey zeit...' (III, 63, 3). — Эндзелин на основании того, что это слово дважды пишется через *k* и только раз через *ck*, предлагает конъектуру: *ikai*, отмечая при этом, что *ck* иногда пишется после дифтонга или долгих согласных (ср. *laucks, rickijs*)³². Однако скрытый мотив указанной конъектуры связан с той этимологией этого слова, которую предлагает Эндзелин, и — точнее — с неудовлетворенностью обычным сравнением прусск. *ikai* с лит. *iki* и лтш. *ik* на том основании, что „*ik ir laikam saisinats no *(j)iek(a), un iki savā pozīmē ravisam nesaskan ar pr. ikai!*“ И, тем не менее, Эндзелин не прав, фактически отказывая прусскому слову в сравнении с восточнобалтийскими параллелями. В конечном счете этот гиперкритицизм объясняется неразработанностью семантики прусск. *ikai* и его вост.-балт. соответствий.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что обычный перевод *ikai* с помощью нем. *ob, wenn*³³ оказывается более чем приблизительным: реально он соответствует лишь одному примеру из трех. Употребление *ikai* в соответствии с нем. *so* в III, 59, 16 вскрывает основу семантической структуры этого слова, и, как нередко случается, перевод второй степени оказывается более близким подлиннику, чем перевод первой степени. Семантика *ikai* сразу же проясняется, если обратиться к латинскому фрагменту, являющемуся отдаленным и непрямым источником III, 59, 16. Ср.: *cujus factae estis filiae, dum bene agitis...* (Petri Epist. Prima 3, 6). Таким образом, прусскому *ikai* в латинском переводе соответствует *dum* 'до тех пор (пока)', значение которого сразу же и непосредственно отсылает к лит. *iki, ik* 'до', 'до тех пор, пока' (временной аспект) и т.д. Русский же перевод соответствующего места греческого текста вскрывает другую семантическую возможность, которая также должна быть принята во внимание в связи с прусским словом: „Вы — дети ее, если (= до тех пор, пока) делаете добро...“. Впрочем, и лат. *dum* реализует это второе значение: наряду с 'пока', 'пока не' в *dum modo*, уместно помнить и о таких примерах, как *decretum est pati dum illum modo habeam mesum* „я решил покориться, если бы только он был со мной“ (Теренций). Эти сопоставления проясняют то важное обстоятельство, что прусск. *ikai* в пределах предложения функционирует как языковой аналог логического оператора импликации: оно указывает на условия, на предел, до которого связь между имплицуемым и имплицующим остается действительной.

³² См. J. Endzelīns. — FBR 12, 1932, 1. 171; Senprūšu valodas. Rīgā, 1943, 1. 183.

³³ Следует, естественно, помнить, что на самом деле *ikai* появляются здесь в связи с попыткой „подстроиться“ к нем. *ob* и *wenn*.